МРНТИ 02.41.21 https://doi.org/10.48010/2026.4/1999-5911.11

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КАЗАХСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАХСТАНА: ФИЛОСОФСКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

[1]А.Ш. Нурмагамбетова, [2]Б.М. Божбанбаев*, [3]З.К. Аюпова
[1,3]Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан)
[2]Казахская национальная академия искусств им. Т. Жургенова (Алматы, Казахстан)
[1]aysa_kz@mail.ru, [2]bbozhbanbaev@gmail.com, [3]zaure567@yandex.ru

[1]A.Sh. Nurmagambetova, [2]B.M. Bozhbanbaev*, [3]Z. K. Ayupova
[1,3]Abai Kazakh National Pedagogical University **(**Almaty, Kazakhstan)
[2]T. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts **(**Almaty, Kazakhstan)
[1]aysa_kz@mail.ru,, [2]bbozhbanbaev@gmail.com, [3]zaure567@yandex.ru

Ссылка: Нурмагамбетова А.Ш., Божбанбаев Б.М., Аюпова З.К. Символический образ казахской женщины в традиционной и современной культуре Казахстана: философско-аксиологический анализ // *Аль-Фараби*. – 2026. – Т. 24. № 4(96). – С. 151-167.

Аннотация. Цель исследования заключается в философско-аксиологическом анализе символического образа казахской женщины как динамической структуры традиционной и современной культуры Казахстана. Методологическую основу составляют культурно-философский, герменевтический, структурно-семиотический и аксиологический подходы, позволяющие рассматривать символ как механизм смыслопорождения и трансляции ценностей. В результате установлено, что в традиционной культуре символический образ казахской женщины функционирует через устойчивую систему ценностей, связанных с материнством, семейным очагом, воспитанием и межпоколенческой преемственностью, обеспечивая сохранение культурной памяти и национальной идентичности. Показано, что в современных условиях модернизации и цифровизации происходит расширение семантического поля данного образа за счёт включения правовых, социальных и медиадискурсивных интерпретаций, связанных с категориями равенства, свободы, безопасности и прав человека. Сделан вывод о том, что символический образ казахской женщины представляет собой динамическую форму культурного опыта, в которой сочетаются традиционные и современные ценностные системы, обеспечивая преемственность и трансформацию культурной идентичности.

Ключевые слова: казахская женщина; символ; культура; аксиология; культурная память; ценности; традиция; идентичность; культурная трансформация; философия культуры.

* Автор-корреспондент: Б.М. Божбанбаев, bbozhbanbaev@gmail.com

Введение

В культурно-философском измерении символический образ казахской женщины представляет собой форму осмысления культуры как пространства ценностей и смыслов. Женский образ выступает не только социально-историческим феноменом, но и символической конструкцией, через которую общество воспроизводит представления о норме, морали и идентичности.

Актуальность исследования обусловлена трансформацией символических структур культуры в условиях модернизации, цифровизации и глобализации. Эти процессы приводят к усложнению интерпретации традиционных культурных символов, включая образ женщины, который приобретает многослойный характер, объединяя традиционные, правовые и медиадискурсивные значения. В философии культуры символ понимается как форма смыслопорождения, структурирующая восприятие социальной реальности. В этой логике символический образ женщины выступает как узловая точка культурного опыта, в которой фиксируются представления о семейных ценностях, нравственности и социальной преемственности. В казахстанской гуманитарной традиции женский образ рассматривается как важный элемент культурной идентичности, требующий углублённого анализа как символической системы, включённой в процессы воспроизводства и трансформации ценностей. Цель исследования - философско-аксиологический анализ символического образа казахской женщины как динамической культурной структуры.

Методология

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный культурно-философский и аксиологический подход, позволяющий анализировать символические формы в системе ценностей традиционной и современной культуры Казахстана. В работе используются следующие методы: герменевтический метод - для интерпретации символических смыслов и выявления их историко-культурных контекстов; структурно-семиотический метод - для анализа символа как системы культурных кодов и выявления его уровней (предметного, ритуального и ценностного); аксиологический метод - для исследования ценностных иерархий и механизмов их трансформации; сравнительно-исторический метод — для сопоставления традиционных и современных форм интерпретации женского образа. Источниковую базу составляют философские и культурологические исследования символа, классические работы по философии культуры (Э. Кассирер, П. Рикёр, Х.-Г. Гадамер, П. Бурдье, М. Шелер), нормативно-правовые документы Республики Казахстан, а также элементы казахской традиционной культуры (устная традиция, обряды, пословичный фонд).

ISSN 1999-5911 (Print)
ISSN 2960-2173 (Online)

Символический образ казахской женщины в контексте философско-аксиологического анализа культурной памяти

Актуальность исследования обусловлена необходимостью философско-аксиологического осмысления символического образа казахской женщины как одного из значимых элементов культурной памяти и ценностной структуры казахского общества. В современном гуманитарном знании данная проблематика выходит за рамки гендерных или этнографических исследований, поскольку затрагивает вопросы формирования культурных смыслов, механизмов сохранения исторической памяти и воспроизводства базовых общественных ценностей. В этом контексте философия культуры рассматривает символические формы не как вторичные репрезентации социальной реальности, а как активные механизмы смыслопорождения и трансляции ценностей. Как подчёркивает Н.С. Кирабаев, философское понимание культуры основано на единстве знания, традиции и практики, благодаря чему символические структуры выступают важнейшими формами организации культурного опыта и мировоззрения общества [1].

В казахстанской философской традиции символический образ женщины рассматривается как элемент культурной и ценностной структуры общества. Так, Г. Нурышева подчёркивает, что образ женщины в казахской традиции выступает не только социальным феноменом, но и мировоззренческой формой, отражающей систему ценностей и механизм культурной преемственности [2]. Аналогично исследование С. М. Аралбай фиксирует, что женский образ в кочевой культуре связан с воспроизводством национального кода и сохранением культурной идентичности [3]. В работах Т. Габитова акцентируется аксиологическая природа казахской культуры, в которой базовые ценности гуманизма и толерантности формируются через символические формы и социальные практики [4].

В традиционной казахской культуре образ женщины представлен не только как совокупность социальных ролей, но и как особая символическая форма, посредством которой транслируются представления о нравственности, преемственности поколений, семейном укладе и общественной солидарности. Символы «ақ жаулық» (белый платок - символ почтения и материнского статуса), «бесік» (колыбель), «ошақ» (домашний очаг), «шаңырақ» (верхняя часть юрты как символ семейного единства и преемственности), материнская колыбельная, институт воспитания, связанный с образом бабушки, а также уважительное отношение к девушке выступают важными культурными маркерами, закрепляющими определённую систему ценностей. Их философско-аксиологический анализ позволяет глубже понять механизмы формирования и передачи ценностных установок в национальной культуре [5, с. 119].

Анализ представленных символов показывает, что образ казахской женщины в традиционной культуре выполняет функцию ценностного посредника между прошлым и настоящим. Его символическое содержание не сводится к отражению семейно-бытовых ролей, а связано с воспроизводством культурной памяти и сохранением нормативных оснований общественной жизни. Такие символы, как «ақ жаулық», «бесік» и «ошақ», выступают носителями коллективного опыта,

закрепляя представления о преемственности поколений, ответственности и нравственном порядке.

С философско-аксиологической точки зрения данные символы образуют целостную систему, в которой женщина выступает не только объектом культурной традиции, но и субъектом передачи социально значимых ценностей. Через её символический образ общество воспроизводит представления о достоинстве, заботе, взаимной поддержке и семейной солидарности. В этом смысле символический образ казахской женщины представляет собой один из механизмов сохранения культурной идентичности и обеспечения непрерывности ценностного пространства казахской культуры.

Актуальность темы определяется также её непосредственной связью с современными общественными дискуссиями. Вопросы семейных ценностей, национальной идентичности, межпоколенческой преемственности, нравственных ориентиров и места женщины в обществе остаются предметом активного обсуждения. Однако подобные дискуссии нередко ограничиваются социально-политическими или эмоционально окрашенными интерпретациями. Философско-аксиологический подход позволяет рассматривать феномен женщины не только на уровне индивидуальной биографии или социальных функций, но и как элемент символической системы, обеспечивающей устойчивость ценностного порядка общества.

Научная значимость исследования обусловлена недостаточной разработанностью данной проблематики в отечественной философии. Несмотря на то что образ казахской женщины неоднократно становился объектом изучения в литературоведении, этнопедагогике, истории и культурологии, его символическое содержание и аксиологическая структура ещё не получили комплексного философского осмысления. В большинстве работ внимание сосредоточено на воспитательных, этнографических или художественных аспектах образа женщины, тогда как вопросы символической репрезентации, ценностной иерархии и функционирования в пространстве культурной памяти остаются недостаточно исследованными.

Особую актуальность теме придаёт её связь с проблемой культурной преемственности. В казахском мировоззрении образ женщины традиционно ассоциируется с воспитанием подрастающего поколения, сохранением языковой культуры, норм этического поведения и семейного согласия. Через данный образ общество закрепляет представления о достоинстве, ответственности, милосердии, чести и нравственном долге. Исследование символического содержания этих представлений позволяет выявить механизмы сохранения культурной идентичности и духовной устойчивости общества [6, с. 99]. Кроме того, обращение к концепту «казахская женщина» позволяет рассматривать женщину не только как объект культурной традиции, но и как активного субъекта формирования и воспроизводства ценностей. В этой связи особый интерес представляют работы казахстанских исследователей, посвящённые проблемам философии культуры, ценностей и женской субъектности. Такой

ISSN 1999-5911 (Print)
ISSN 2960-2173 (Online)

подход способствует более глубокому пониманию роли женщины в процессах культурного развития и сохранения национального мировоззрения.

В условиях современных социальных трансформаций символический образ женщины приобретает новые смысловые измерения. Если ранее он функционировал преимущественно в рамках семейной и родовой традиции, то сегодня становится объектом общественных дискуссий, медиарепрезентаций и правовых интерпретаций. Вопросы статуса женщины, её прав, общественной роли и культурной идентичности активно обсуждаются как в медиапространстве, так и в академической среде. Это свидетельствует о том, что образ женщины перестаёт быть исключительно элементом частной сферы и становится важным компонентом общественного самопонимания и ценностного самоопределения современного казахстанского общества [7, с. 77].

Вместе с тем современное восприятие женщины формируется под влиянием нескольких ценностных систем одновременно. Традиционная культура сохраняет представления о женщине как носителе семейной преемственности и нравственных норм, тогда как светский дискурс акцентирует внимание на равноправии и индивидуальной автономии личности. Наряду с этим религиозно-этические интерпретации продолжают играть значимую роль в формировании общественных представлений о женском предназначении и ответственности. В результате символический образ казахской женщины приобретает многослойный характер, отражая взаимодействие различных культурных и мировоззренческих моделей.

Одной из характерных особенностей современного этапа является многозначность интерпретации женского образа. С одной стороны, в культурной памяти сохраняются традиционные символы материнства, семейного очага и преемственности поколений. С другой стороны, в современном правовом и светском пространстве женщина всё чаще рассматривается как самостоятельный субъект общественной жизни, обладающий равными правами и возможностями. Наряду с этим религиозно-этические интерпретации продолжают оказывать влияние на понимание роли женщины в обществе. В результате формируется сложное поле взаимодействия традиционных, религиозных и современных ценностных моделей, что делает символический образ казахской женщины многослойным и открытым для различных интерпретаций [8, с. 82].

Современное восприятие женского образа формируется на пересечении нескольких нормативно-ценностных систем: традиционной культуры, религиозно-этических представлений и светских принципов современного общества. Подобная многослойность интерпретаций свидетельствует о том, что символический образ казахской женщины не обладает фиксированным значением. Напротив, его содержание постоянно переосмысливается в зависимости от социокультурного контекста. В философско-аксиологическом аспекте это позволяет рассматривать данный образ как динамическую символическую форму, отражающую процессы трансформации ценностей и идентичности в современном Казахстане.

На процесс усиления многослойного прочтения образа женщины значительное влияние оказали процессы глобальной гуманитаризации и демократизации, а также изменения, происходящие в условиях тотальной цифровизации глобального

информационного общества, где такие вопросы, как одежда и свобода женщины, начинают рассматриваться в новом ракурсе [9, с. 91].

В условиях цифровой среды женский символ начинает формироваться и одновременно подвергаться оценке с беспрецедентной скоростью, что принципиально меняет характер общественного восприятия. Если ранее репутационные оценки и общественное мнение складывались в рамках локальных сообществ, то сегодня они мгновенно приобретают общенациональный и даже глобальный масштаб. Это приводит к трансформации самой природы символов, поскольку образ женщины теперь существует не только в традиционном культурном коде, но и в медиадискурсе, алгоритмах социальных сетей, трендовых практиках и комментарной культуре.

В результате смысл таких понятий, как «ұят» (стыд как форма социальной регуляции), «инабат» (нравственная воспитанность), «еркіндік» (свобода), «қадір-қасиет» (достоинство), «құқық» (право), «қауіпсіздік» (безопасность), начинает переосмысляться. При этом традиционное понимание «стыда» как внутреннего механизма общественного контроля дополняется его новой формой, зависящей от цифровой публичности, где он может усиливаться либо, напротив, нивелироваться под воздействием массовой аудитории. Аналогичным образом категория «свободы», ранее интерпретировавшаяся преимущественно как пространство индивидуального выбора, всё чаще соотносится с проблематикой правовой защиты и обеспечения безопасности личности.

С философской точки зрения символ следует понимать не как простое обозначение объекта, а как культурную силу, способную производить и структурировать смысл. Символ не только указывает на реальность, но и формирует вокруг неё ценностное поле, организует восприятие и закрепляет в обществе представления о значимом и второстепенном. В этом смысле символ выступает как внутренняя «грамматика культуры», определяющая способы её смысловой организации; при ослаблении этой грамматики неизбежно происходит фрагментация ценностного языка общества.

Для различения символа и знака необходимо учитывать различие их смыслообразующих функций. Знак носит преимущественно условный и инструментальный характер, ориентированный на точную и быструю передачу информации. Символ же включает в себя не только информационный, но и опытный, исторический и эмоциональный уровень содержания. Он связан с социальными ожиданиями и культурной памятью, что делает его многослойным и контекстуально изменчивым. Если значение знака, как правило, однозначно и линейно, то символическое значение многомерно и раскрывается в различных культурных ситуациях. Именно поэтому символ можно определить как сложную многозначную структуру, обладающую высокой культурной продуктивностью, поскольку культура развивается не через упрощение смыслов, а через их усложнение и углубление.

При рассмотрении символа на семиотическом уровне принципиальное значение приобретает различие между знаком и символом. Знак выполняет функцию замещения, обеспечивая условную подмену одного объекта другим

ISSN 1999-5911 (Print)
ISSN 2960-2173 (Online)

ради точной и быстрой передачи информации. Символ, напротив, реализует функцию смыслового раскрытия и «приближения» скрытых культурных значений к человеческому восприятию. В этом контексте такие культурные образы, как «ақ жаулық» (белый платок как символ материнства, чести и женского достоинства), «бесік» (колыбель как знак начала жизни и преемственности поколений), «ошақ» (очаг как центр семейного единства), выступают не как предметные обозначения, а как устойчивые культурно-ценностные матрицы. Они концентрируют в себе представления о социальной структуре, семейной преемственности, нравственном порядке и символике рода, формируя многослойное пространство культурного смысла.

В культурно-философском измерении символ не ограничивается функцией представления, а выступает механизмом производства и организации смыслов внутри культуры. Он не просто отражает социальную реальность, но структурирует её восприятие, задавая устойчивые координаты того, что считается значимым и нормативным. В этом отношении символ можно рассматривать как внутреннюю «грамматику культуры», регулирующую способы формирования ценностного языка общества. Ослабление этой символической грамматики неизбежно приводит к фрагментации смыслового поля и размыванию ценностных ориентиров.

Сравнительный анализ символа, метафоры, аллегории и мифа позволяет уточнить его специфику. Метафора обладает преимущественно эстетико-языковой функцией и основана на переносе значения между понятиями. Аллегория закреплена за относительно фиксированным смыслом и допускает ограниченную интерпретацию. Миф представляет собой целостную модель миропонимания, выраженную в сюжетной форме. Символ же занимает промежуточное, но самостоятельное положение: он способен включать в себя элементы всех перечисленных форм, не сводясь ни к одной из них. Он может быть метафорически выразительным, но его функция не исчерпывается эстетикой, поскольку он закрепляет ценностные основания культуры. Он может функционировать как аллегорический знак, но не фиксируется в одном значении, а изменяется во времени. Он может опираться на мифологические структуры, однако выходит за их пределы, переходя в сферу этики, права, ритуала и повседневной социальной практики. Это позволяет определить символ как форму «подвижной устойчивости», в которой сохраняется смысловое ядро при изменении культурных интерпретаций.

Культурно-философское понимание символа получает теоретическое обоснование в концепции Эрнста Кассирера о «символических формах» [10, с. 36]. Согласно данной позиции, человек не воспринимает реальность непосредственно, а конструирует её через символические системы — язык, миф, искусство, религию, науку, право и обряд. Следовательно, символ выступает не частным элементом культуры, а её фундаментальным когнитивно-ценностным механизмом. В рамках анализа концепта «казахская женщина» это означает, что символические образы женщины являются не только отражением социальной реальности, но и способом её культурного конструирования, через который общество артикулирует представления о нравственности, воспитании, семейной гармонии и смысле человеческого существования.

С герменевтической точки зрения символ представляет собой текст, требующий интерпретации [11, с. 128]. Он не является фиксированным кодом, а существует как многослойное смысловое образование, раскрывающееся через контекст. В традиционной культуре символические формы передаются преимущественно опосредованно - через пословицы, запреты, благословения, ритуальные практики и нормы поведения. Поэтому их понимание требует реконструкции историко-культурного контекста, в котором они сформировались, а также ценностных оснований, которые они закрепляют.

Структурно символ может быть рассмотрен на трёх уровнях: материальном, ритуальном и ценностном. Материальный уровень связан с его предметной формой, ритуальный - с практиками его воспроизводства, а ценностный -с закреплением смыслов в социальной и моральной системе. Так, «бесік» (колыбель) на материальном уровне является предметом, на ритуальном -включён в практики ухода за ребёнком и обрядовые действия, а на ценностном - выражает идею преемственности поколений и ответственности за будущее. Нарушение целостности этих уровней приводит либо к редукции символа до этнографического объекта, либо к его превращению в абстрактную моральную категорию.

С аксиологической позиции основная функция символа заключается в институционализации ценностей в социальной реальности [12, с.277]. Ценности не существуют автономно как абстракции: они приобретают реальность только через практику, поведение и социальные формы. Символ выступает посредником этого процесса, делая ценности видимыми, эмоционально переживаемыми и нормативно закреплёнными. Поэтому такие категории, как «ар» (честь), «ұят» (стыд), «инабат» (нравственность), «береке» (благополучие), «мейірім» (милосердие), «жауапкершілік» (ответственность), приобретают устойчивый социальный характер именно через символическое воплощение, тогда как вне него они остаются на уровне декларативных утверждений.

В данном контексте идею М. Шелера о иерархии ценностей можно использовать как аксиологическую опору для анализа. Ценности никогда не находятся на одном уровне, они образуют сложную иерархическую структуру. В одном обществе на первый план выходит полезность, в другом - честь и совесть. В одном контексте абсолютизируется свобода, в другом - ответственность. Символы отражают эту иерархию: то, какие символы считаются сакральными, какие действия - постыдными, какие образы - образцовыми, позволяет реконструировать ценностную структуру общества.

Анализ символов «казахской женщины» также позволяет прочитать ценностную иерархию казахского общества, где центральное место занимают преемственность поколений, семейная целостность, категории чести и совести, милосердие и ответственность, культура слова и уважение к старшим. Однако для понимания того, как эта иерархия трансформируется сегодня, необходимо учитывать современное прочтение символов [13, с.112]. Данная система ценностей не является фиксированной: она исторически подвижна и зависит от социального контекста. Символы выступают не только отражением ценностной структуры, но и механизмом её трансформации. Через изменение интерпретации

ISSN 1999-5911 (Print)
ISSN 2960-2173 (Online)

символов общество переосмысливает собственные нормы и ориентиры, сохраняя при этом культурное ядро.

Символ не только «воспитывает», но и «организует» социальный порядок. В этом контексте важны идеи П. Бурдье о символическом капитале и символической власти. В обществе статус, престиж и уважение определяются не только материальными ресурсами, но и символическим капиталом. Например, символ «ақ жаулық» (белый платок как знак материнства и уважения) в одном контексте может выступать как знак морального авторитета, а в другом - становиться предметом общественной полемики. Аналогично образ «келін» (невестка) может интерпретироваться как символ семейной гармонии либо как точка обсуждения гендерного неравенства. Через символы общество одновременно легитимирует одни практики и проблематизирует другие [14, с. 86]. Таким образом, символы функционируют как форма скрытого социального регулирования. Они не только отражают ценности, но и распределяют социальное признание, формируя структуру видимого и невидимого в общественной жизни. Символический капитал становится важнейшим ресурсом социальной иерархии.

Применительно к символическому образу казахской женщины это означает, что такие культурные символы, как «ақ жаулық» (белый платок - символ материнства и почтенного статуса женщины), «бесік» (колыбель), «ошақ» (домашний очаг) и «шаңырақ» (верхний свод юрты, символ семейного единства и преемственности рода), функционируют не только как элементы традиционной культуры, но и как формы символического признания, закрепляющие социально значимые представления о материнстве, нравственной ответственности и культурной преемственности. Их современная интерпретация свидетельствует о трансформации механизмов символического капитала в условиях модернизации казахстанского общества.

Отсюда вытекает необходимость избегать двух крайностей: абсолютизации и обесценивания символа. Абсолютизация символа означает отождествление формы и содержания, когда внешний атрибут воспринимается как сама ценность; в этом случае форма подменяет смысл. Обесценивание символа, напротив, приводит к его редукции до «устаревшего обычая», что разрушает культурную преемственность. Философский подход позволяет удерживать баланс между этими крайностями, рассматривая символ как динамическую форму культурного смысла. Эта двойственность показывает, что символ всегда находится между сакрализацией и девальвацией. Его устойчивость зависит от способности общества сохранять смысловую глубину при изменении внешних форм. В противном случае нарушается связь между поколениями и культурная память становится фрагментарной.

Ещё одной важной функцией символа является проведение социальных границ: между «своими» и «чужими», «допустимым» и «недопустимым», «сакральным» и «повседневным». Эти границы необходимы для функционирования любой социальной системы, однако их чрезмерная жёсткость может приводить к исключению и социальному давлению. Категория «ұят» (стыд) в данном контексте демонстрирует двойственную природу: с одной

стороны, она выступает механизмом нравственного воспитания, с другой - может становиться инструментом социального контроля и давления.

Таким образом, моральные категории в символической форме обладают как конструктивным, так и потенциально репрессивным характером. Их философский анализ позволяет выявить баланс между воспитательной функцией и риском ограничения индивидуальной свободы.

Символическое значение также функционирует через аффективное воздействие. Символы воздействуют не только на рациональное мышление, но и на эмоциональную сферу, вызывая чувства гордости, стыда, любви, тревоги или ответственности. Например, символ «ана» (мать) активирует не столько рациональное осмысление, сколько эмоционально-нравственную реакцию, связанную с заботой, долгом и преемственностью. Именно эмоциональная природа символа обеспечивает его устойчивость в культуре: символ закрепляется не только в сознании, но и в переживании, становясь частью повседневного опыта и коллективной памяти.Историческая динамика символов проявляется в их переосмыслении. Это не уничтожение старых смыслов, а их адаптация к новым социальным условиям. Так, традиционные символы женственности в казахской культуре, связанные с семьёй и воспитанием, в современном контексте дополняются понятиями прав, достоинства, безопасности и равенства. Это свидетельствует о расширении семантического поля символов, а не о разрыве с традицией. Символическая система сохраняет преемственность, одновременно адаптируясь к новым социальным и культурным условиям. В результате символ перестаёт быть статичным знаком и становится механизмом культурного диалога.

Таким образом, «философско-аксиологический анализ символа» предполагает постановку комплекса взаимосвязанных вопросов: из какого исторического опыта возникает символ, какую ценность он закрепляет, в какую форму действия он преобразуется, какие эмоциональные реакции вызывает, какой социальный порядок легитимирует, какие границы проводит, как переосмысляется в современности, а также в каких случаях он защищает справедливость и в каких может превращаться в инструмент давления. Ограничение анализа только одним из этих аспектов не позволяет раскрыть многослойную природу символа.

Данное теоретическое расширение позволяет перейти к рассмотрению концепта «казахская женщина» как сложной символической системы. В его структуре можно выделить три основных смысловых ядра. Первое ядро связано с преемственностью жизни, поколений и воспитанием. На этом уровне ключевыми символами выступают мать, бабушка, бесік (колыбель), әлди (колыбельная песня). Эти образы фиксируют не только биологическую, но и культурную передачу опыта, обеспечивая непрерывность традиции.

Второе ядро связано с морально-нормативным порядком - категориями чести, совести, кісілік (человеческое достоинство), ответственности и самоконтроля. Здесь центральными символами выступают ақ жаулық (белый платок как знак материнского достоинства), бата (благословение), тыйым (нравственное запрещение), сәлем (этикет приветствия), культура слова. На этом уровне образ женщины функционирует как медиатор моральных норм, закрепляющий внутреннюю этическую регуляцию общества.

Третье ядро связано с социальным согласием и коллективной гармонией. В данном контексте ключевыми символами выступают ошақ (очаг), дастархан (общий стол), гостеприимство, единство, терпение. Здесь женский образ выходит за пределы семейной сферы и становится символом социальной интеграции и устойчивости общинного порядка.

В совокупности эти три ядра формируют целостную аксиологическую систему. Однако при ослаблении любого из них интерпретация символа становится односторонней, что приводит к смысловым конфликтам и общественным дискуссиям.

Одним из наиболее значимых современных изменений является усиление связи символа женщины с правовым пространством. Казахстан в последние десятилетия присоединился к ряду международных документов в сфере защиты прав человека, включая конвенции, направленные на ликвидацию всех форм дискриминации в отношении женщин. В данном контексте образ женщины перестает быть исключительно объектом традиции и становится субъектом правовой защиты.

Конституционный принцип равенства закрепляет это изменение: в статье 14 Конституции Республики Казахстан прямо указано, что никто не может подвергаться дискриминации по признаку пола [15]. Данная норма связывает символический образ женщины с категорией человеческого достоинства, выводя его за пределы исключительно культурной интерпретации. Практическим выражением этой трансформации является Закон 2009 года «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» [16]. Данный нормативный акт институционализирует образ женщины через принципы равноправия и равных возможностей. В результате символ «казахская женщина» получает новое прочтение: он перестает быть исключительно семейно-традиционной фигурой и становится полноправным субъектом общественного и правового пространства.

Данная линия развития продолжается в Концепции семейной и гендерной политики до 2030 года, утверждённой Указом Президента от 6 декабря 2016 года № 384 [17]. В документе в качестве ключевых направлений гендерной политики обозначаются равное участие женщин в структурах власти, обеспечение экономической самостоятельности женщин, создание условий для профессионального роста и карьерного развития, равенство прав и обязанностей в семейной сфере, а также недопущение дискриминации по признаку пола. Однако именно здесь возникает принципиальный философский вопрос: способна ли подобная политика органично «вписаться» в традиционную систему ценностей казахского общества, его религиозные и духовные ориентиры, а также в обновляющийся национальный код и идеологическое ядро. Этот вопрос раскрывает внутреннюю драму современного образа женщины в Казахстане. Женский символ одновременно существует на пересечении двух пространств: с одной стороны — модерного правового поля, требующего равенства и безопасности, с другой — традиционного символического мира культуры. Если эти пространства начинают взаимно отрицать друг друга, усиливается ценностный раскол общества. Если

же между ними формируется диалог, женский символ приобретает новую устойчивость, а культурная стабильность и правовая справедливость начинают взаимно дополнять друг друга.

Одним из наиболее определяющих факторов современного этапа является связь женского символа с политикой безопасности и противодействия насилию. В общественном дискурсе тема бытового насилия занимает значительное место, что подчёркивается и в анализируемом материале. Принятие 15 апреля 2024 года закона, направленного на борьбу с бытовым насилием и усиливающего ответственность за преступления в отношении женщин и детей, отражает институциональную реакцию государства. Аксиологический смысл подобных мер является глубоко философским: женский символ здесь перестаёт быть исключительно образом «хранительницы очага» и напрямую соотносится с понятием «достоинства, подлежащего защите». В традиционном дискурсе женщина часто описывалась через категории терпения, сдержанности и прощения, тогда как в современном правовом дискурсе на первый план выходят достоинство, телесная неприкосновенность, психологическая безопасность и право на справедливую защиту. Важно, чтобы эти два измерения не вступали в конфликт: терпение не должно легитимировать насилие, а семейное благополучие не может строиться на страхе, а должно опираться на безопасность и справедливость. В этом контексте право выступает как инструмент защиты гуманистического ядра женского символа [18].

Данная трансформация согласуется с современными международными подходами к пониманию гендерного равенства и предотвращения насилия в отношении женщин, закреплёнными в рамках Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), которая рассматривает насилие не только как частную проблему, но и как структурное нарушение прав человека [19]. С культурологической точки зрения данные нормативные изменения свидетельствуют о включении правового дискурса в структуру символического образа женщины, расширяя традиционные представления о её социальной роли. Трансформация женского символа в современном обществе также отчётливо проявляется в сфере труда и профессиональной деятельности. Экономическая самостоятельность женщин, их профессиональный рост и общественная активность становятся новыми критериями статуса. Однако редукция этого процесса к «отходу от традиции» является упрощением; философски он может быть интерпретирован как функциональное расширение женского символа, а не его утрата. В казахской мировоззренческой традиции ценность труда всегда занимала важное место, что отражено в народных пословицах и этических установках. Сегодня эта трудовая этика реализуется в новых сферах - образовании, бизнесе, управлении и общественной деятельности. В этом контексте архетип «ұйытқы» (центра, организующего начала) переосмысляется: женщина воспринимается не только как организатор семейного пространства, но и как субъект, способный структурировать социальные, профессиональные и гражданские связи.

В результате данных изменений женский символ в современном Казахстане приобретает множественную структуру. В одном пространстве усиливается

ISSN 1999-5911 (Print)
ISSN 2960-2173 (Online)

традиционный образ матери и бабушки, особенно в условиях урбанизации и миграции, где возрастает значимость семейной преемственности. В другом пространстве формируется образ «образованной женщины», «профессиональной женщины» и «женщины-лидера», отражающий логику современной экономики и образования. В третьем пространстве развивается «медийный образ женщины», формируемый через социальные сети, телевидение, рекламу и блогосферу. В четвёртом пространстве усиливается «духовный образ женщины», основанный на религиозных и моральных интерпретациях, где акцент делается на ответственности, семейных ценностях и внутренней дисциплине. Совокупность этих образов формирует сложную полифоническую структуру, в которой женский символ перестаёт быть единым идеалом и становится многослойным культурным феноменом.

Результаты исследования

Проведённый анализ позволил выявить ключевые характеристики и трансформации символического образа казахской женщины в традиционной и современной культуре.

Установлено, что в традиционной культуре символический образ женщины имеет системный характер и функционирует как совокупность взаимосвязанных ценностных символов, включающих материнство, семейный очаг, воспитание и межпоколенческую преемственность. Эти символы обеспечивают передачу базовых культурных норм и устойчивость ценностной структуры общества.

Показано, что традиционные символы обладают не только этнокультурным, но и нормативным значением, выступая механизмами культурной памяти и социальной регуляции поведения.

Выявлено, что в современном обществе происходит расширение семантического поля символического образа женщины за счёт включения правовых, социальных и медиадискурсивных интерпретаций, связанных с категориями равенства, свободы и безопасности.

Установлено, что современный образ женщины приобретает полифункциональный характер и существует одновременно в нескольких регистрах: традиционном, правовом, религиозном и медиадискурсивном.

Проведённый культурфилософский анализ показывает, что символический образ казахской женщины структурируется вокруг трёх взаимосвязанных ценностно-смысловых ядер: преемственности поколений и материнства; морально-нравственной регуляции общественной жизни; социальной интеграции и культурной солидарности. Их взаимодействие обеспечивает сохранение культурной памяти, воспроизводство базовых ценностей и трансформацию культурной идентичности в условиях современных социокультурных изменений.

Показано, что трансформация символического образа не приводит к разрушению традиционной основы, а проявляется как процесс её переинтерпретации.

Выявлено наличие ценностной напряжённости между традиционными и современными моделями интерпретации женского образа, что отражает переходный характер культурной системы.

Установлено, что символический образ женщины выполняет функцию культурной интеграции, обеспечивая связь между различными уровнями социальной реальности.

Заключение

С позиции культурной философии символический образ казахской женщины может быть интерпретирован как особая форма смысловой организации культуры, в которой пересекаются ценностные, нормативные и историко-антропологические измерения. Он не сводится к фиксированному социальному образу или набору ролей, а функционирует как динамическая символическая структура, через которую общество воспроизводит и одновременно переосмысляет собственные основания. В традиционной культуре данный образ укоренён в системе коллективной памяти и выполняет функцию ценностной преемственности. Через символы материнства, семейного очага, воспитания и морального авторитета женщина выступает носителем и транслятором культурной целостности, обеспечивая устойчивость межпоколенческой связи и нормативного порядка.

В условиях современности символический образ женщины приобретает характер открытой и многослойной структуры. Его трансформация обусловлена взаимодействием традиционного культурного кода с правовыми, социальными и медиальными формами рациональности. В результате происходит не разрушение символической традиции, а её переинтерпретация, в рамках которой категории достоинства, свободы, безопасности и равенства включаются в расширенное поле культурных значений. С философско-аксиологической точки зрения это свидетельствует о подвижности ценностной иерархии общества, где символы выступают не только отражением ценностей, но и механизмом их формирования и изменения. В этом смысле символический образ казахской женщины является формой «живой традиции», в которой сохраняется устойчивое смысловое ядро при изменении исторических и социальных контекстов. Символический образ казахской женщины выступает своеобразным культурным медиатором между традицией и модернизацией, обеспечивая сохранение ценностного ядра культуры при изменении форм его социального выражения.

Таким образом, исследование подтверждает, что символ функционирует как медиатор между культурной памятью и современностью, обеспечивая непрерывность идентичности при одновременной трансформации ценностных ориентиров общества.

Список литературы

1 Кирабаев Н. С. Свобода как философская проблема // Вестник РУДН. Серия: Философия. - 2025. - Т. 29. - № 2. - С. 504–519. DOI: 10.22363/2313-2302-2025-29-2-504-519.

2 Nurysheva G., Kaldayeva B. The image of a woman in the Kazakh worldview: philo-

sophical and anthropological analysis // Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series. - 2021. - Vol. 103(3). - P. 160–166. DOI: 10.31489/2021HPh3/160-166.

3 Aralbay S. M., Azi E. A., Dagarova Zh. U., Abdrakhmanova K. Zh., Akhatova A. A. The essence of a woman in the nomadic Kazakh tradition is the basis of the national code // Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series. - 2023. - Vol. 110(2). - P. 265–272. DOI: 10.31489/2023HPh2/265-272.

4 Gabitov T. Kazakh culture in the context of the traditional civilizations of Asia // Central Asia and the Caucasus. - 2012. - Vol. 13. - No. 3. - P. 85–93.

5 Нұрышева Г. Ж. Философиялық антропология: оқу құралы. - Алматы: Қазақ университеті, 2017. - 170 б.

6 Қазыханова Б. Р. Роль художественного наследия в эстетическом воспитании. - Алма-Ата: Казахстан, 1967. - 225 с.

7 Гадамер Х.-Г. Истина и метод. - М.: Прогресс, 1988. - 704 с.

8 Рикёр П. Символика зла. - М.: Республика, 1995. - 408 с.

9 Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. - М.: Весь Мир, 2001. - 880 с.

10 Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. - М.: Гардарика, 1998. - 784 с.

11 Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. - М.: Искусство, 1991. - 367 с.

12 Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Избранные произведения. - М.: Гнозис, 1994. - С. 259–337.

13 Тейлор Ч. Истоки самости: становление современной идентичности. - М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. - 967 с.

14 Бурдьё П. Мужское господство. - М.: Алетейя, 2002. - 142 с.

Нормативно-правовые акты

15 Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года (с изм. и доп.).

16 Закон Республики Казахстан «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» от 8 декабря 2009 года № 223-IV.

17 Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года: утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 6 декабря 2016 года № 384. - Астана, 2016.

18 Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей» от 15 апреля 2024 года № 72-VIII ЗРК.

19 United Nations. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (CEDAW). New York: United Nations, 1979.

Transliteration

1 Kirabaev N. S. Svoboda kak filosofskaya problema [Freedom as a Philosophical Problem] // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. 2025. Vol. 29. No. 2. P. 504–519. DOI: 10.22363/2313-2302-2025-29-2-504-519. (In Russ.)

2 Nurysheva G., Kaldayeva B. The image of a woman in the Kazakh worldview: philosophical and anthropological analysis // Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series. 2021. Vol. 103(3). P. 160–166. DOI: 10.31489/2021HPh3/160-166.

3 Aralbay S. M., Azi E. A., Dagarova Zh. U., Abdrakhmanova K. Zh., Akhatova A. A. The essence of a woman in the nomadic Kazakh tradition is the basis of the national code // Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series. 2023. Vol. 110(2). P. 265–272. DOI: 10.31489/2023HPh2/265-272.

4 Gabitov T. Kazakh culture in the context of the traditional civilizations of Asia // Central Asia and the Caucasus. 2012. Vol. 13. No. 3. P. 85–93.

5 Nurysheva G. Zh. Filosofiyalyq antropologiya: oqu quraly [Philosophical Anthropology: Textbook]. Almaty: Qazaq universiteti, 2017. 170 p. (In Kaz.)

6 Qazykhanova B. R. Rol' khudozhestvennogo naslediya v esteticheskom vospitanii [The Role of Artistic Heritage in Aesthetic Education]. Alma-Ata: Kazakhstan, 1967. 225 p. (In Russ.)

7 Gadamer H.-G. Istina i metod [Truth and Method]. Moscow, 1988. 704 p. (In Russ.)

8 Riker P. Simvolika zla [The Symbolism of Evil]. Moscow, 1995. 408 p. (In Russ.)

9 Khabermas Yu. Teoriya kommunikativnogo deistviya [The Theory of Communicative Action]. Moscow: Ves' Mir, 2001. 880 p. (In Russ.)

10 Kassirer E. Opyt o cheloveke. Vvedenie v filosofiyu chelovecheskoi kul'tury [An Essay on Man. An Introduction to a Philosophy of Human Culture]. Moscow: Gardarika, 1998. 784 p. (In Russ.)

11 Gadamer H.-G. Aktual'nost' prekrasnogo [The Relevance of the Beautiful]. Moscow: Iskusstvo, 1991. 367 p. (In Russ.)

12 Sheler M. Formalizm v etike i material'naya etika tsennostei [Formalism in Ethics and the Material Ethics of Values] // Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow: Gnozis, 1994. P. 259–337. (In Russ.)

13 Teilor Ch. Istoki samosti: stanovlenie sovremennoi identichnosti [Sources of the Self: The Making of the Modern Identity]. Moscow: Kanon-Press-Ts, 2001. 967 p. (In Russ.)

14 Burd'e P. Muzhskoe gospodstvo [Masculine Domination]. Moscow: Aleteiya, 2002. 142 p. (In Russ.)

Normative Legal Acts

15 Konstituciya Respubliki Kazahstan: prinyata na respublikanskom referendume 30 avgusta 1995 goda (s izm. i dop.) [Constitution of the Republic of Kazakhstan]. 1995. Article 14.

16 Zakon Respubliki Kazahstan «O gosudarstvennyh garantiyah ravnyh prav i ravnyh vozmozhnostej muzhchin i zhenshchin» [Law of the Republic of Kazakhstan "On State Guarantees of Equal Rights and Equal Opportunities for Men and Women"] ot 8 dekabrya 2009 goda № 223-IV.

17 Koncepciya semejnoj i gendernoj politiki v Respublike Kazahstan do 2030 goda: utverzhdena Ukazom Prezidenta Respubliki Kazahstan [Concept of Family and Gender Policy in the Republic of Kazakhstan until 2030. Approved by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan] ot 6 dekabrya 2016 goda № 384. - Astana, 2016.

18 Zakon Respubliki Kazahstan «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazahstan po voprosam obespecheniya prav zhenshchin i bezopasnosti detej» [Law of the Republic of Kazakhstan "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Issues of Ensuring Women's Rights and Children's Safety"] ot 15 aprelya 2024 goda № 72-VIII ZRK.

19 United Nations. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (CEDAW). 1979.

А.Ш. Нурмагамбетова, Б.М. Божбанбаев, З.К. Аюпова

Қазақстанның дәстүрлі және заманауи мәдениетіндегі қазақ әйелінің символдық бейнесі: философиялық-аксиологиялық талдау

Аңдатпа. Зерттеудің мақсаты – қазақ әйелінің символдық бейнесін Қазақстанның дәстүрлі және қазіргі мәдениетінің серпінді құрылымы ретінде философиялық-

аксиологиялық тұрғыдан талдау. Зерттеудің әдіснамалық негізін мәдени-философиялық, герменевтикалық, құрылымдық-семиотикалық және аксиологиялық тәсілдер құрайды. Бұл тәсілдер символды мағына қалыптастыру мен құндылықтарды ұрпақтан ұрпаққа жеткізудің маңызды тетігі ретінде қарастыруға мүмкіндік береді.

Зерттеу нәтижесінде дәстүрлі қазақ мәдениетінде әйелдің символдық бейнесі ана болу, отбасы құндылықтарын сақтау, ұрпақ тәрбиесі және мәдени сабақтастық сияқты орнықты құндылықтар жүйесі арқылы көрініс табатыны анықталды. Аталған бейне мәдени жадыны, ұлттық бірегейлікті және рухани мұраны сақтаудың маңызды құралы қызметін атқарады. Сонымен қатар, жаһандану, цифрландыру және қоғамдық жаңғыру үдерістері жағдайында бұл символдың семантикалық мазмұны кеңейіп, гендерлік теңдік, адам құқықтары, қауіпсіздік, әлеуметтік әділеттілік және еркіндік сияқты қазіргі заманғы құндылықтармен толыққаны көрсетілді.

Зерттеу қорытындысында қазақ әйелінің символдық бейнесі дәстүрлі және заманауи құндылықтарды өзара сабақтастыратын, мәдени бірегейліктің сақталуы мен жаңаруын қамтамасыз ететін мәдени тәжірибенің серпінді нысаны екендігі негізделді.

Түйін сөздер: қазақ әйелі; символ; мәдениет; аксиология; мәдени жады; құндылықтар; дәстүр; бірегейлік; мәдени трансформация; мәдениет философиясы.

A.Sh. Nurmagambetova, B.M. Bozhbanbaev, Z.K. Ayupova

The Symbolic Image of the Kazakh Woman in Traditional and Contemporary Culture: A Philosophical and Axiological Study

Abstract. The aim of this study is to conduct a philosophical and axiological analysis of the symbolic image of the Kazakh woman as a dynamic structure of both traditional and contemporary culture in Kazakhstan. The methodological framework is based on cultural-philosophical, hermeneutic, structural-semiotic, and axiological approaches, which make it possible to interpret the symbol as a mechanism of meaning production and value transmission. The study shows that in traditional culture, the symbolic image of the Kazakh woman functions through a stable system of values associated with motherhood, the family hearth, upbringing, and intergenerational continuity, thereby ensuring the preservation of cultural memory and national identity. It is demonstrated that in contemporary conditions of modernization and digitalization, the semantic field of this image expands through legal, social, and media discursive interpretations related to the categories of equality, freedom, security, and human rights. It is concluded that the symbolic image of the Kazakh woman represents a dynamic form of cultural experience in which traditional and modern value systems coexist, ensuring both continuity and transformation of cultural identity.

Keywords: Kazakh woman; symbol; culture; axiology; cultural memory; values; tradition; identity; cultural transformation; philosophy of culture.

Вклад авторов. **Нурмагамбетова А.Ш.,** концептуализация исследования, разработка основной идеи статьи, написание основной части рукописи, анализ и интерпретация результатов исследования. **Божбанбаев Б.М.,** разработка методологии исследования, подготовка введения и заключения, научное редактирование и критический анализ содержания статьи. **Аюпова З.К.,** подготовка аннотации и ключевых слов, подбор и анализ научной литературы, оформление библиографического списка и проверка соответствия статьи требованиям журнала.

Поступила: 28.08.2026
Принята:14.10.2026